

Список литературы

1. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 3. – С. 121–139.
2. Кузьминов Я. И. Институты: От заимствования к выращиванию: Опыт российских реформ и возможное культивирование институциональных изменений / Я. И. Кузьминов, В. В. Радаев, А. А. Яковлев, Е. Г. Ясин. – М. : ГУ-ВШЭ, 2005.
3. Нестандартная занятость в российской экономике / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшниковой. – М. : ГУ-ВШЭ, 2006.
4. Радаев В. В. Легализация российского бизнеса как институциональная проблема / В. В. Радаев ; под ред. Т. И. Заславской. – М. : МВШСЭН, 2002.
5. Радаев В. В. Что такое экономическое действие? / В. В. Радаев // *Экономическая социология*. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 18–25.
6. Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа) / Н. Е. Тихонова // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 3. – С. 5–20.
7. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / О. Уильямсон. – СПб : Лениздат, 1996. – 702 с.
8. Хлебников П. Дело «ЮКОСА»: Веха на пути к законности / П. Хлебников // *Ведомости*. – 18.11.2003. – № 45 (234).
9. Шаститко А. Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории / А. Шаститко // *Вопросы экономики*. – 2003. – № 1. – С. 24–41.

References

1. Koulman Dzh. Kapital social'nyj i chelovecheskij / Dzh. Koulman // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. – 2001. – № 3. – S. 121–139.
2. Kuz'minov Ja. I. Instituty: Ot zaimstvovaniya k vyrashhivaniyu: Opyt rossijskih reform i vozmozhnoe kultivirovanie institucional'nyh izmenenij / Ja. I. Kuz'minov, V. V. Radaev, A. A. Jakovlev, E. G. Jasin. – M. : GU-VShJe, 2005.
3. Nestandartnaja zanjatost' v rossijskoj jekonomike / pod red. V. E. Gimpel'sona, R. I. Kapel'jushnikova. – M. : GU-VShJe, 2006.
4. Radaev V. V. Legalizacija rossijskogo biznesa kak institucional'naja problema / V. V. Radaev ; pod red. T. I. Zaslavskoj. – M. : MVShSJeN, 2002.
5. Radaev V. V. Chto takoe jekonomicheskoe dejstvie? / V. V. Radaev // *Jekonomicheskaja so-ciologija*. – 2002. – T. 3, № 5. – S. 18–25.
6. Tihonova N. E. Sociokul'turnaja modernizacija v Rossii (Opyt jempiricheskogo analiza) / N. E. Tihonova // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. – 2008. – № 3. – С. 5–20.
7. Uil'jamson O. Jekonomicheskie instituty kapitalizma: Firmy, rynki, «otnoshencheskaja» kontraktacija / O. Uil'jamson. – Spb : Lenizdat, 1996. – 702 s.
8. Hlebnikov P. Delo «JuKOSA»: Veha na puti k zakonnosti / P. Hlebnikov // *Vedomosti*. – 18.11.2003. – № 45 (234).
9. Shastitko A. Predmetno-metodologicheskie osobennosti novoj institucional'noj jekonomicheskoi teorii / A. Shastitko // *Voprosy jekonomiki*. – 2003. – № 1. – S. 24–41.

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ:
НА ПРИМЕРЕ «МАРША МИЛЛИОНОВ» В МОСКВЕ И ДВИЖЕНИЯ
«ЗА ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ» В АСТРАХАНСКОМ РЕГИОНЕ¹**

Бочарникова Ирина Станиславовна, кандидат социологических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: omenk@list.ru

Зубова Оксана Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент

Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой
127349, Россия, г. Москва, ул. Лескова, д. 6б
E-mail: zubovaoksana@bk.ru

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проекта № 12-03-00361 «Механизм рекрутирования молодежи в экстремизм».

В статье описывается портрет протестного движения на примере крупного мегаполиса и региона, с целью определения уровня протестной активности и его истоков. Это позволяет рассмотреть проблему современного молодежного экстремизма более широко с точки зрения гражданской активности и неготовности политических структур, направить данную деятельность в соответствующее русло как следствие появления еще большего непонимания, отчуждения и агрессии молодежи, ухода в девятные формы поведения.

Ключевые слова: социальный портрет, социально-психологический облик, общественный климат, самореализация, протестное движение, молодежь, радикализм, экстремизм, уровень протестной активности, «сетевая революция», гражданская позиция, диалог власти и общества

SOCIAL PORTRAIT OF THE PROTEST MOVEMENT: THE EXAMPLE OF «THE MARCH OF THE MILLION» IN MOSCOW AND THE MOVEMENT «FOR HONEST ELECTIONS» IN THE ASTRAKHAN REGION

Bocharnikova Irina S., Ph.D. (Sociology), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: omcnk@list.ru

Zubova Oxana G., Ph.D. (Political Science), Associate Professor

Dashkova Moscow Humanitarian Institute
6b Leskov st., Moscow, 127349, Russia
E-mail: zubovaoksana@bk.ru

The article describes the portrait of the protest movement on the example of the city and region, with a view to determining the level of protest activity and its origins. This allows to consider the problem of the modern youth extremism more widely from the point of view of civil activity and the unwillingness of political structures to direct the activities in the correct direction, as a consequence of the emergence of more frustration, alienation and aggression of the youth, care in deviant forms of behaviour.

Keywords: social portrait, socio-psychological image, social climate, self-realization, a protest movement, youth, radicalism, extremism, the level of protest activity, «network revolution», civil position, dialogue between the authorities and society

Протестное движение во Франции, Италии и других европейских странах показало, что в современном обществе происходит изменение социального портрета протестующих, главным участником движения становится молодежь, работающая и учащаяся, придерживающаяся левых радикальных взглядов, что соотносится с социально-психологическими характеристиками данного возраста, когда проявляется крайний максимализм и радикализм во взглядах и действиях.

Российское акции протеста – это часть глобального протестного движения, следствие социальных трансформаций и, возможно, новая волна «цветных революций» как ответ на существующую проблемную российскую реальность, далекую от такого радужного образа, который представляют СМИ, проводимую политику и усиливающую государственную агрессию, умелое использование назревших противоречий определенными силами в своих личных целях.

В данной статье мы выявляем портрет протестного движения на примере крупного мегаполиса и региона (были взяты два движения, получившие широкую огласку в СМИ), определяя уровень протестной активности и его истоки. Это позволяет рассмотреть проблему современного молодежного экстремизма более широко с точки зрения гражданской активности и неготовности политических структур, направить данную деятельность в соответствующее русло как следствие появления еще большего непонимания, отчуждения и агрессии молодежи, ухода в девятные формы поведения.

Всероссийский центр изучения общественного мнения представил результаты опроса участников «Марша миллионов» в Москве, прошедшего 12 июня 2012 г. На

основе анализа данных опроса был определен следующий социальный портрет участника акций протеста: мужчины (64–71 %) в возрасте до 35 лет (65 %), с высшим или незаконченным высшим образованием (56–70 %) [3].

Это подтверждает факт сохранения патриархальных гендерных интересов, когда сферу активности женщины составляет семья, забота о детях, возможность совмещения работы и ведения домашнего хозяйства и нехватка времени на другие виды активности.

Протестное движение все отчетливее становится движением трех социально-профессиональных групп: «креативного класса», офисных служащих и студенческой молодежи. Половина опрошенных участников «Марша миллионов» 12 июня 2012 г. представляли эти три группы. Наибольший отток фиксируется среди групп участников «от производства» (рабочие, ИТР), пенсионеров, государственных и муниципальных служащих [3].

Уровень самооценки материального положения среди участников акции был достаточно высоким: только 13 % протестантов определили свое материальное положение как плохое (в целом по стране – 18 %). Среди участников акции увеличилась доля респондентов с повышенным уровнем трудовой мобильности: тех, кто имеет доходы от дополнительных заработков, частного предпринимательства, – до 50 %. Это также объясняется расширением представительства «креативного класса» и оттоком государственных служащих и рабочих [2].

Кроме социально-экономических показателей, в составлении портрета участника протестного движения важно выявить его социально-психологический облик, который определяется тремя факторами: ярко выраженной потребностью в самореализации, высокой степенью недовольства изменением ситуации в стране и в своей жизни, оценкой изменения ситуации в стране в целом. Для подавляющего большинства участников акции (78 %) самореализация является первоочередной ценностью, в угоду которой они готовы пренебречь стабильностью своего положения. Материальная самооценка не является фактором, определяющим жизненные приоритеты этой группы. Около половины опрошенных участников акции (49 %) заявили о недовольстве своей жизнью. Степень недовольства повышается с ухудшением материального положения участников акции (с 28 % среди высокообеспеченных до 83 % среди малообеспеченных). Зависимость данного показателя от возраста носит менее выраженный характер. Наименьший уровень удовлетворенности – среди пенсионеров (19 %), максимальный – у респондентов в возрасте 25–34 лет (61 %) [1]. И эта закономерность соответствует проводимой социальной политике в нашей стране, когда наиболее незащищенной и малообеспеченной группой являются пенсионеры.

Что касается оценки изменения ситуации в стране в целом: 64 % опрошенных участников акции уверены, что она ухудшается. Им оппонируют только 10 %. Наибольшее количество недовольных – среди пожилых и малообеспеченных участников акции (87 и 83 % соответственно) [1].

У любого протестного движения должны быть лидеры и электоральные предпочтения. Так, лидерами электоральных предпочтений участников акции продолжают оставаться партия «Яблоко» (за нее проголосовали бы на ближайших выборах 26 % опрошенных) и М. Прохоров, поддержка которого существенно укрепилась (с 27 до 38 %). При этом каждый пятый участник июньского опроса не принимал участие ни в парламентских, ни в президентских выборах (в основном это люди моложе 34 лет) [1], что говорит о явлении абсентеизма, связанного с фактором неверия в возможность своим голосом изменить ситуацию.

Кроме того, говоря о структуре протестного движения, участие становится все более целенаправленным. Только 16 % «маршировавших» 12 июня не принимали участие в подобных участиях ранее. 69 % опрошенных заявили, что приняли решение об участии сразу после того, как стало известно о планируемом мероприятии. Почти 90 % заявили о готовности принимать участие в акциях протеста и в дальнейшем. Усиливается восприятие акции как коллективного действия единомышленников: 73 % заявили, что участвуют в акции со своими знакомыми, друзьями. 65 % оп-

рошенных имели какой-либо символ участника акции протеста (белая ленточка, плакат и т.д.), если появляется символика и определенная постоянная организация, то это говорит о целерациональном характере движения.

О высокой степени мобилизованности участников свидетельствуют и декларируемые ими мотивы участия. Доминирующей стала тема недовольства политической системой, политическим развитием (42 %). При этом почти для каждого пятого (18 %) участие в акции – выражение гражданской позиции, это фактор устойчивости мотивации. Нивелировалось также значение темы выборов и правящей роли «Единой России».

Анализ данных позволяет выделить основные категории участников протеста: «ядро» – принимали участие как минимум в 3-х акциях протеста, собираются участвовать в подобных акциях и в дальнейшем, приняли решение об участии в акции как только о ней узнали (54 %); «периферия» – периодически участвуют в акциях, поведение часто ситуативное, хотя интерес к протестным действиям выражен (30 %); «попутчики» – впервые принимают участие в акции протеста (16 %).

Среди «ядра» более выражена критичность оценок ситуации в стране и требования смены руководства страны, проведения новых выборов Президента и Государственной Думы: 69 % представителей «ядра» заявили об ухудшении дел в стране (в целом среди опрошенных – 64 %); 79 % считают, что высшую власть в стране необходимо сменить (в целом среди опрошенных – 69 %). Среди «попутчиков» больше тех, кто хотел бы корректировки политики властей, но не настаивает на их немедленной смене (16 % против 2 % в ядре) [1].

Таким образом, появляется новая форма гражданской активности, связанная с попыткой анализа существующей политической реальности. Формируемая почва становится благоприятным полем для развития экстремизма, причем если по теории социального клеймирования, на данных людей наложить, как сегодня делает государство, ярлык экстремистов, радикалов, и т.д., то их модель поведения будет соответствовать общественным ожиданиям и вместо конструктивного сотрудничества власти и общества, Россия может получить очередную революцию.

Но пока среди возможных мер, которые готовы предпринять участники акции, абсолютным лидером во всех группах стала готовность принимать участие в санкционированных мероприятиях (более 90 % от всех опрошенных). Но уже каждый десятый (10–12 %) заявил, что допускает личное участие в силовых акциях. Данную форму протеста выбирали, прежде всего, респонденты в возрасте 18–24 лет (42 %). Представители «ядра» чаще заявляют о готовности участвовать во всех формах протестных действий: так, половина из них готова принять участие в несанкционированных акциях.

Несмотря на то, что около 90 % участников заявляют о готовности и в дальнейшем принимать участие в акциях протеста, фиксируется рост недовольства как содержательными, так и организационными моментами движения. Так, в ходе опроса участников акции протеста 12 июня 23 % выразили недовольство составом участников и лозунгами, 14 % говорили о плохой организации. Только 47 % не выразили претензий к организации и проведению акции 12 июня (в феврале – 63 %) [1].

Наиболее популярные среди участников митинга лозунги сводятся к трем группам: критика В. Путина (34 %), требования политической реформы (15 %), требования расширения политических свобод (13 %).

Большинство участников опроса (64 %) оценивают действия протестного движения как эффективные. Основания для такой оценки следующие: власть вынуждена реагировать на протесты, а сами они не прекращаются. Неэффективными акции «протестантов» считают 27 % опрошенных. Среди них больше половины (60 %) заявляют об отсутствии реакции на протесты со стороны власти.

Наибольшей популярностью среди участников акции пользуются выступления С. Удальцова (19 %), Д. Гудкова (15 %), Е. Чириковой (10 %). Бесспорный лидер рейтинга – А. Навальный. Почти половина (46 %) назвали его уважаемым лидером, вызывающим симпатию. Таким образом, мы видим, что меняется состав лидеров протестного движения.

Исходя из вышеизложенного, можно составить следующий социальный портрет протестного движения «Марша миллионов» в Москве: в своей основе – мужчины в возрасте до 35 лет, с высшим или незаконченным высшим образованием, принадлежащие «креативному классу» или к студенческой молодежи, с ярко выраженной потребностью в самореализации, высокой степенью недовольства изменением ситуации в стране и в своей жизни, меняющие свои политические предпочтения, доверяющие несистемной оппозиции, как следствие распространения интернета и социальных сетей, готовые принимать участие в санкционированных мероприятиях. Это те люди, которые могут стать или основой среднего класса в России, или уйти в различные формы девиации, в том числе и экстремизм, это зависит от формируемого в стране социокультурного, экономического, политико-правового климата [1].

Мы рассмотрели протестную активность в крупнейшем мегаполисе, но Россия очень обширна, и движения протеста охватывают другие регионы. Одно из последних, связанное с выборами в Астраханском регионе, получило широкий общественный резонанс.

Анализируя движение «За честные выборы» в Астрахани (март – апрель 2012 г.), можно сказать, что первопричиной астраханских событий стал спад митинговой активности в столицах, общество утратило веру в эффективность уличных акций. Люди посчитали, что конкретных целей такими действиями не добиться, и стали использовать новую форму протеста – голодовку. Ситуация складывалась следующим образом: по данным горизбиркома Астрахани, победа на выборах мэра досталась единороссу Михаилу Столярову, набравшему 60 % голосов, представитель «Справедливой России» Олег Шеин, получив чуть менее 30 %, стал вторым. Он и его сторонники, не признав итогов выборов, начали голодовку (более 20 человек) с требованием перевыборов, доказывая, что имели место массовые нарушения и фальсификации во время подсчета голосов [1].

Движение началось расширяться, когда лидеры московских и питерских «несистемщиков» в «Твиттере» призвали активистов протестного движения всей России поехать в Астрахань и поддержать Олега Шеина.

Описать социальный портрет астраханского протестного движения сложнее, так как не проводились соответствующие социологические замеры, но это возможно на основе анализа информационных материалов в СМИ и бесед с участниками событий.

Состав участников был очень пестрым. Во-первых, это активистская среда астраханского протестного движения – бастующие маршрутчики, пенсионеры, выходявшие до этого на улицу за сохранение льготного проездного билета, без которого они уже не могут себе позволить ездить на дачу, мелкие торговцы уличных рынков, рабочие астраханских предприятий, жилищные активисты, которые воюют за свои дома, люди, зарабатывающие несколько тысяч рублей в месяц. Для этих людей главная целевая установка была привлечь внимание общественности, телевидения, приезжих гостей к своим проблемам, в основном экономического характера. Во-вторых, сторонники Олега Шеина по партии, преследующие конкретные политические цели, и, наконец, профессора, мелкие бизнесмены, работники свободных профессий, молодежь, а также члены самих разных политических партий и непартийные люди, возмущенные непрозрачностью предыдущих выборов [2].

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что протестное движение в Астрахани стало народным. Оно объединило людей разных по социальному статусу (от рабочих, мелких торговцев, до профессоров, представителей бизнеса), по возрастным критериям (студенты, люди среднего возраста и пенсионеры), принадлежащих к различным гражданским, политическим и социальным движениям. Анализируя астраханское протестное движение, можно отметить, что идет сокращение доли людей с социально-адаптивным поведением, а ему на смену приходит модель «социального действия», общество осознало, что может общаться с властью «без посредников» (политических партий). Лозунг народного протестного движения «*Мы здесь власть!*».

В заключение можно сказать, что различные регионы России (и мегаполис, и провинция) в большей степени демонстрируют социальный протест против произво-

ла и нарушений законов со стороны тех, кто эти законы принимает или должен следить за их исполнением, а также изменение политических предпочтений. Отмечается и рост гражданской активности россиян, а также такое явление, как «сетевая революция» (от флеш-мобов к политическим протестам), которая стала следствием распространения интернета и социальных сетей.

Сложный диалог общества с властью, в котором она не готова признавать и самое главное исправлять свои ошибки, повышать профессионализм и нести ответственность за происходящее в стране, усиливают когорту недовольных, не имеющих определенные политические симпатии и антипатии, но задумывающихся о будущем страны, в которой они живут.

Согласно последним законам об ужесточении мер наказания за несанкционированные митинги и усиления преследований со стороны власти к проявлению такой активности, данный социальный слой попадает под наклеивание ярлыка экстремиста, с негативной окраской, что приводит к парадоксу, когда сама система, ведя борьбу с экстремизмом, провоцирует революционную активность.

Список литературы

1. Вопрос о выборах в Астрахани находится в компетенции ЦИК и суда. – Режим доступа: <http://www.baltinfo.ru/2012/04/10/Vopros-o-vyborakh-v-Astrakhani-nakhoditsya-v-kompetencii-TsIK-i-suda-Peskov-271332>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Карин Клеман, Почему Астрахань круче Болотной. – Режим доступа: <http://www.ikd.ru/node/18194> (дата обращения: 19.04.2012), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Социальный портрет протестного движения в Москве. – Режим доступа: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 12.06.2012), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Vopros o vyborah v Astrahani nahoditsja v kompetencii CIK i suda. – Rezhim dostupa: <http://www.baltinfo.ru/2012/04/10/Vopros-o-vyborakh-v-Astrakhani-nakhoditsya-v-kompetencii-TsIK-i-suda-Peskov-271332>, svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.
2. Karin Kleman, Pochemu Astrahan' kruche Bolotnoj. – Rezhim dostupa: <http://www.ikd.ru/node/18194> (data obrashhenija: 19.04.2012), svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.
3. Social'nyj portret protestnogo dvizhenija v Moskve. – Rezhim dostupa: <http://www.wciom.ru> (data obrashhenija: 12.06.2012), svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.

УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ ГРАЖДАН АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ ГРАЖДАНСКИМ СЛУЖАЩИМ¹

Ярмоленко Лариса Владимировна, кандидат социологических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: margo-ja@mail.ru

Чухало Вадим Валерьевич, магистрант

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: dajamp@list.ru

В статье анализируются результаты социологического исследования, проведенного в 2012 г. в Астраханской области по измерению уровня доверия граждан к государственным гражданским служащим исполнительных органов государственной власти, предоставляющих государственные услуги.

¹ Статья подготовлена по результатам социологического исследования авторов статьи. Исследование было осуществлено в Астраханской области с мая по июль 2012 г.